

Глава V

Прогностика ближнего прицела: альтернативы будущего для России

1. Футурологические сценарии: рефлексия общественных изменений

После распада СССР, в 1990-е гг., Россия пережила «тихую революцию», помноженную на «холодную» гражданскую войну. Их реальные результаты не менее грандиозны, чем итоги Октябрьской революции начала XX в. Тогда Россия из разваливающейся аграрной империи превратилась, заплатив огромную цену, в сверхдержаву, увлекшую своим примером полмира. Россия шагнула из «периферийной империи»¹ в «советский модерн»². Откат постсоветской России на полупериферию миросистемы вызвал рефлексию по поводу слишком легких и универсальных путей реформ для России, которые вместо «светлого будущего» завели ее в идейно-исторический тупик стагнации. Соответственно, стала ощутимой потребность в проектах, предполагающих если не изменение миросистемы в целом, то хотя бы миросистемную перспективу для национального мышления. Возникли новые сценарии для России, обосновывающие алгоритмы перехода страны на более оптимальные позиции в миросистеме, сценарии, предполагающие в том числе и принципиальное обновление ее самой. Усиление запроса общества на прогнозирование подтверждается растущей популярностью такого жанра, как интеллектуальные сценарии развития России и мира³.

---

¹ Подробнее см.: *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра.Культура, 2004.

² Подробнее см.: *Мартьянов В.* Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2007.

³ См.: Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001; Россия: ближайшее десятилетие. М., 2004; Введение в будущее. Мир в 2020 году. М.: Алгоритм, 2006.; Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М.: Культурная революция, 2007;

В настоящее время российские исследователи имеют дело со все большим количеством проектов, планов и стратегий будущего, разрабатываемых Правительством РФ, Общественной палатой РФ, общественными палатами субъектов РФ, научными организациями и экспертно-консультативными советами при органах государственной власти, отдельными учеными. В них зачастую предлагаются принципиально различные концепции и пути развития России в ближайшем будущем. Эти разнообразные проекты позволяют достаточно четко обрисовать те воображаемые, идеальные общества — образы будущей России, которые из своей сферы «должного» диктуют и легитимируют нормы, ценности, императивы непосредственной политической практики «здесь и сейчас». (Кроме того, социальные утопии и футурологические проекты, кристаллизующиеся в современном российском обществе, политике и обществоведении, уже сами по себе многое говорят о нынешнем состоянии российского общества, его целях и ценностях.)

Запрос на интеллектуальные проекты о будущем инициирует и то, что результат постсоветской трансформации в основном негативен: распад страны, дискредитация прежних ценностей и символов, нарастание негативных экономических дисбалансов, потеря международного влияния, откат на позиции глобальной полупериферии. И все же, несмотря на признаки стагнации, сегодня принято считать, что самое страшное позади, а страна, после социального шока рыночных реформ, вошла в 2000-е гг. в период «стабильности» и «развития». Но насколько устойчиво это новое состояние, его социально-политические и экономические институты? Не обернется ли со временем стабильность элементарным застоєм, косностью и стагнацией? Тонкой ледяной коркой над морем нерешенных проблем? Одобрены ли обществом новые ценности и правила игры? Достигнут ли консенсус власти и народа по поводу нового общественного договора, который лежит в основе любого жизнеспособного общества? Достижимы ли цели, которые сегодня ставятся перед страной?

Главным вопросом для политических элит давно является не выплата долгов по зарплатам бюджетников, не обременительный внешний долг или борьба с сепаратизмом, но проблема того, что делать дальше для реализации желательного образа будущего. И следует признать, что вынятная и легитимная стратегия на будущее у федеральных элит отсут-

---

Россия и мир в 2020 году. М.: Европа, 2005; Мировая экономика: прогноз до 2020 года. М.: Магистр, 2007; Коалиции для будущего. Стратегии развития России. М.: РИО, 2007; Мир после кризиса. 2025 год. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009.; *Валлерстайн И.* Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. № 1. С. 8–56; *Дерлугьян Г.* Четвертая Российская империя: истоки и перспективы // Отечественные записки. 2007. № 6; и др.

ствуует, за исключением постановки технических задач, вроде подзабытого удвоения ВВП к 2010 г., стремления догнать по среднедушевым доходам Португалию к 2015 г. или цели построить «инновационную экономику» к 2020 г.¹ Поэтому, несмотря на текущие проблемы — стагнацию производства, расслоение населения, превалирование сырьевого сектора, сомнительность модели «суверенной демократии», взрывной рост внешних долгов частного бизнеса и полугосударственных корпораций — интеллектуальным кругам российского общества волеиневолей придется задуматься о стратегических целях дальнейшего развития России: куда идем, для чего живем, на что надеемся?

Поиск стратегий общественного развития не может быть эффективным без сценариев будущего. Наиболее востребованный сегодня вопрос — какой быть России будущего, исходя из возможных угроз, территории, демографических тенденций, климата, экономики и т.д.

Российское общество начала XXI в. обрело контуры сомнительной стабильности, заплатив огромную цену — утратив реальную политику. По сути — это запрет на любые общественные изменения. Подобный выбор властных элит в пользу консервации и «подморозки» не устраивает слишком многих, если не большинство населения, которое в отличие от элит вовсе не живут в лучшем из возможных миров. Это выбор в пользу исторического тупика и будущих общественных катастроф. Все проблемы, вызовы и угрозы для России просто откладываются правящим классом на неопределенное «потом», в пользу сиюминутных выгод. Но рано или поздно, когда эти проблемы заявят о себе во весь голос, люди, «назначенные» элитой, окажутся дискредитированными, а прочее население останется с катастрофическими вызовами один на один.

Еще одним фактором, препятствующим идейному консенсусу в обществе, является радикальная и не сокращаемая со временем неодновременность российского общества, которая продолжает иметь место во всех трех «волнах», или исторических укладах — аграрном, экономическом и «постэкономическом». Следовательно, условием любой приемлемой социально-политической стратегии для России должно быть сокращение неодновременности страны и реальное согласие общества относительно стоящих перед ним целей и исповедуемых ценностей.

С другой стороны, реализацию любых целей, выходящих за текущее потребление, затрудняет то, что в обществе потребления, которым яв-

¹ См.: Выступление В. Путина на заседании Госсовета РФ от 08.02.2008 // <http://www.edinros.ru/news.html?id=127560>; Речь Президента РФ Д. Медведева на V Красноярском экономическом форуме от 15.02.2008 // <http://www.edinros.ru/news.html?id=127810>.

ляется и Россия, «сегодняшнее этическое предписание — наслаждайся! Оно, конечно же, может принимать формы некой спиритуальности, как все эти дела с далай-ламой и прочей ньюэйджевой компанией. “Реализуй свой потенциал” тоже означает “наслаждайся!”. Никто не требует от вас жертвы... И в этом для меня заключается основная проблема с христианским фундаментализмом. Вовсе не в том, что они фундаменталисты, а в том, что в действительности они эгоистичные постмодернистские гедонисты»¹.

Таким образом, оказывается, что управлять людьми через более низкие уровни их потребностей, гасить негативную для элит социальную активность потреблением оказывается гораздо эффективнее, чем поддерживать любую систему идеологического контроля. Поскольку такой стиль жизни не оставляет людям свободного времени, как раз и занятого потреблением, которое, будучи правильно организованным, само в себе на уровне социальной онтологии уже содержит все необходимые ценности, легитимированные процессом потребления товаров и услуг.

В идеократическом обществе эти ценности нужно отдельно доказывать, они напрямую не подкреплены удовольствием от доказательства-потребления, представляя собой лишь идеальные сверхцели — то, чего нет здесь и сейчас, но что только и оправдывает настоящее: «Если при социализме управление свободным временем было демонстративно нацелено на бесполезность, и в этой бесполезности, собственно, и виделся залог свободы, то новый капитализм отнесся к свободному времени граждан с присущим ему расчетом...», создав «индустрию свободного времени»².

Представляется, что в ближайшие годы поиск оснований прочного общественного согласия, призванного компенсировать «моральный коллапс» актуальной политической мысли будет происходить на идейном поле концепций будущего для России. Глобальный неолиберальный консенсус по поводу «конца истории», миросистемы и сложившегося в ней разделения материального и интеллектуального труда вряд ли является удовлетворительным для нынешней России.

При этом не следует забывать, что на стыке XX–XXI вв. вместе с Россией принципиально изменился и окружающий мир, возникли очередные вызовы и угрозы. Появились новые центры экономического притяжения и политической силы в виде Китая, Индии, Бразилии. США как мировой политической и экономической гегемон утратили

¹ Жижек С. Левые должны открыть для себя подлинно героически консервативный подход // http://russ.ru/politics/docs/levye_dolzny_vnov_otkryt_dlya_sebya_podlinno_geroicheskij_konservativnyj_podhod#comments.

² Маяцкий М. Когнитивный капитализм — светлое будущее научного коммунизма? // Логос. 2007. № 4. С. 238.

безусловное лидерство. Конкуренция на экономических рынках приобретает глобальный характер. Растут всеобщие ядерные, террористические и экологические угрозы, увеличиваются демографические и технологические диспропорции Севера и Юга. Усиливается демографическое давление, а количество доступных природных ресурсов, пищи и воды неуклонно сокращается. Наблюдается «неразвитие» третьего мира. Изменившейся России приходится искать эффективные стратегии в не менее изменившемся мире. А неопределенность собственного будущего, откладывание стратегического выбора «на потом» грозит превратиться для России в «вечное настоящее», в запоздалое реагирование на внутренние и внешние вызовы.

Перед лицом глобальных вызовов — экологических, технологических, демографических, конфессиональных, этнических — политические и экономические проблемы различных стран все более приобретают интернациональный характер. Но при общности фундаментальных проблем обществоведы разных стран демонстрируют серьезные нормативные различия в интерпретации образов глобального будущего. В науке, публицистике, литературе и фантастике в последние годы можно наблюдать всплеск массового интереса к жанру прогнозов, конструированию сценариев российского будущего, к описанию новых утопий как в научном, так и в публицистическом, художественном жанрах¹.

В данном контексте исследования будущего часто подменяются паллиативами в виде поисков «национальной идеи» или формирования «общенациональной идеологии» — понятий самопротиворечивых по определению², либо простым социологическим мониторингом ценностей современных россиян, прикладным анализом конкретных программ и выступлений политических лидеров.

Первое представляется больше не актуальным, поскольку в ситуации системного кризиса Модерна как базового политического проекта привычные современные идеологии «в чистом виде» уходят на пери-

¹ См.: De futuro, или История будущего. М.: Политический класс, Аиро XXI, 2008; *Бестужев-Лада И.В.* Россия в XX–XXI веках. 1917–2017. Трижды от колосса к коллапсу и обратно. М.: Международная Академия исследований будущего, 2008; Проект Россия. М.: Эксмо, 2007; Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М.: Эксмо, 2007; Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М.: Эксмо, 2009; *Воины креатива. Главная книга 2008–2012.* М.: Эксмо, 2008; *Воины креатива. Праведный меч.* М.: Эксмо, 2008; *Юрьев М.* Третья империя. Россия, которая должна быть. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2007; *Делягин М.* Реванш России. М.: Яуза, Эксмо, 2008; и др.

² Любая идеология в многосоставном, классовом обществе Модерна может выражать интересы лишь части населения, как и любая партия. Поэтому национальная идеология, будь она реальной или симулируемой, является вольно или невольно претензией положить конец политике, организованной вокруг оптимизации и согласования конфликтных интересов разных политических субъектов.

ферию общественной жизни, возврата к ним в привычном виде быть уже не может, а приставки нео- или пост-, как и сочетания типа «либеральный консерватизм» или «консервативный либерализм» указывают лишь на крах идеологического дискурса в качестве системообразующего. Кроме того, в современной политической науке само понятие идеологии до крайности размыто, часто приписывается домодерновым обществам, что профанирует данное понятие¹.

Второй подход, как правило, дает ситуативный срез общественно-го сознания и циркулирующих в нем ценностей, не претендующий на связь с возможными перспективами российского политического режима и общества в будущем.

Для многих исследователей в качестве путеводной цели в будущее привлекательна парадигма перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Все активнее сторонники глобального транзита человечества к постиндустриальному обществу, «основанному на знаниях» (*knowledge society*). Для него будут характерны высокие технологии с высокой добавленной стоимостью, реализуемые на глобальном рынке; опора на «интеллектуальный капитал»; доминирование постматериальных потребностей людей, связанных с приоритетом самореализации; креативный «труд как творчество» и т.д.²

С другой стороны, все актуальные достижения постиндустриализма относятся, прежде всего, к изменению внешних условий жизни общества. Технологический прогресс действительно увеличивает сумму возможностей, удобств и удовольствий, доступных для каждого члена общества, будь то возрастание доли самозанятости (фрилансерства)

¹ Впервые введенное в оборот Дестотом де Трасси в его работе «Элементы идеологии» (1801) понятие идеологии, призванное характеризовать обобщающую «науку об идеях», в марксизме превратилось в характеристику политического мировоззрения правящих социальных классов современного капиталистического общества. Однако далее целый ряд исследователей стали некритично транслировать данное понятие и на мировоззрение традиционных обществ. См.: Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М.: Наука, 1990; Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул: АГУ, 1988 и т.п.

² См.: Новая технократическая волна на Западе (сборник переводов). М.: Прогресс, 1986; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999; Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004; и др. Из российских ученых наиболее фундаментально теория постиндустриального общества разработана в трудах Владислава Иноземцева: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia-«Наука», 1998; Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М.: Экономика, 2000; Иноземцев В.Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. М.: Алгоритм, 2007; и др.

в экономике неконвейерного труда; качественная медицина; комфортное жилье; невиданная ранее социальная мобильность населения; связь, отменяющая любые расстояния; свободный доступ к бездонным хранилищам информации в Интернете и т.п. Но можно ли данные изменения трактовать как переход к кардинально новому типу общества, если мировоззрение и ценности существующего общества, его цели и структура существенно от всего этого не меняются, да и принципиально новые цели тоже не ставятся?¹

Меняется по большому счету второстепенное: номенклатура существующих специальностей; расширяется классификация видов деятельности; меняется относительное соотношение сферы производства и услуг, специализация тех или иных национальных экономик; виртуализируется финансовый сектор; все больше ценятся уникальные носители интеллектуальной собственности и т.д. Но при этом ни законы капиталистической мирэкономки, ни тип государства, ни людская мораль практически не меняются. И тезис, что сегодняшний день лидеров миросистемы будет завтрашним днем всех остальных, является, по меньшей мере, спорным²

В настоящее время сторонники постиндустриального прорыва предполагают, что Россия может из полуразрушенной индустриальности классического Модерна перепрыгнуть в постиндустриальное будущее. Причем данная теория «большого прыжка» структурно подозрительно напоминает давние тезисы народников о возможности прямого перехода России к социализму из аграрно-традиционного общества, минуя стадию капитализма, поскольку у страны есть социокультурное ноу-хау — крестьянская община, прообраз социалистической бесклассовой коллективности.

Между тем статистика фиксирует, что неявные глобальные «преимущества» у современной России отсутствуют, а ее экономика только начала приближаться к показателям объемов производства ключевых товаров в РСФСР 1990 г.³ Поэтому существует явная вероятность, что в ближайшие годы постиндустриальное общество и пророст «инновационных предприятий» будут лишь имитироваться в СМИ, лозунгах

¹ См. критику прогностических претензий постиндустриальной теории: *Цаплин В.С.* Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // СОЦИС. 2006. № 4. С. 124–130.

² Подробнее см.: *Мартынов В.С.* Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная перспектива? // Логос. 2008. № 1 (64). С. 32–47.

³ См.: *Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А.* Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. М.: Алгоритм, 2003; *Фомин Д., Ханин Г.* Конец воображаемого советского благополучия // Свободная мысль. 2009. № 3. С. 5–20; Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики России: <http://www.gks.ru/wps/portal>.

и отчетах органов госвласти, а также в интеллектуальном пространстве ведущих мегаполисов, нежели формироваться на самом деле.

Аналогичные обоснованные сомнения возникают и относительно позитивного будущего России при развитии в ней доминирующей ныне модели общества потребления¹. Представляется, что в ближайшем будущем наиболее видным в интеллектуальной повестке дня России будет оставаться дискурс догоняющей модернизации. Трансформация этого дискурса будет связана с необходимостью перехода от стратегий вынужденных, консервативных модернизаций, связанных с внешними вызовами, к стратегии проективных изменений. Только проективная модернизация России может быть действительно эффективной, в противовес «отсрочивающей» новый кризис и разрешающей его последствия модернизации вынужденной.

Ключевая проблема заключается в том, что любой не инерционный сценарий предлагает обществу социально-политический эксперимент — то, чего еще не было. Он всегда запускается через моральное неприятие, попытку преодоления привычного статус-кво. Однако даже глобальный кризис, проявивший статус России как «слабого звена», не прибавил популярности идее преобразования политического пути, весьма слабо коррелирующего с насущными задачами модернизации. Несмотря на негативные общественно-экономические тенденции, социологические замеры в 2008–2009 гг. показывают неизблемость в общественном мнении рейтингов дуумвирата Путина–Медведева, символически олицетворяющих наличный политический курс². Поэтому надеяться на народные манифестации, вызванные неприятием статус-кво из-за реального ухудшения условий жизни значительных слоев населения, было бы наивно. Российское общество лишь сократило объемы своего потребления, обратило фокус недовольства на региональные и местные власти, но в целом не собирается менять ценности и символы, лежащие в его основе, считая любые реформы и перемены негативным явлением, которого следует избегать.

Парадоксально, но несмотря на то, что большинство населения, политиков и экспертов не считает российское общество справедливым и не требующим «коррекции», мало кто задается вопросом о том, что в этом обществе необходимо принципиально изменить. Тем не менее после выхода России из периода «исторической реанимации» со всей возможной остротой встал вопрос о ее будущем.

¹ См.: *Мартынов В.С.* Шанс для России: выйти из общества потребления // Прогнозис. 2008. № 2 (14). С. 321–342.

² Сводная статистика оценки российских лидеров и положения дел в стране. Официальный сайт Левада-центра // <http://www.levada.ru/press/2009032501.html>.

Интерес к будущему провоцируется и тем, что в настоящее время в российском обществе наметился явный кризис стратегических целей развития страны, при почти полностью достигнутых элитами тактических задач стабилизации общества. Доминирующие общественные силы, концепции и проекты апеллируют преимущественно к прошлому и настоящему, избегая легитимации будущим. Ориентируясь на консервацию социально-политического статус-кво, на сиюминутные потребности, они практически полностью отрицают социальное экспериментирование. Добровольная «герметизация» идейного поля российской политики не дает видеть дорогу в будущее, лишает людей образов идеального (желаемого) общества, к которому следует стремиться. Между тем российское общество все острее ощущает необходимость формирования позитивных образов будущего для России, новых конкурирующих социальных сценариев. Речь идет об интеллектуальных проектах, предлагающих стране достойное будущее в глобальной мир-системе, исходя из далеко не полностью реализованного потенциала России.

Стабилизация российского общества и общественно-экономических отношений в 2000-е гг. позволяет применить к ним методы средне- и долгосрочного прогнозирования, не срабатывавшие в 1990-е гг., в эпоху «большой трансформации». Эти методы позволяют создавать достаточно устойчивые и релевантные сценарии возможного развития российского общества, исходя из намечающихся в нем в последние годы устойчивых алгоритмов и закономерностей функционирования политики, экономики, социальных связей и консолидирующих общественных ценностей. Все это позволяет формировать стратегии развития с учетом долгосрочных интересов общества и поэтапного исправления негативных тенденций, присутствующих в российском обществе здесь и сейчас. Наиболее интересными в последние годы были два сценарных прогноза, разработанных на базе МГИМО и фонда «ИНДЕМ».

В 2006 г. политологами МГИМО был разработан сценарный прогноз четырех вариантов развития России к 2020 г.: «Кремлевский гамбит», «Российская мозаика», «Крепость-Россия» и «Новая мечта»¹.

«Сценарий 1: “Кремлевский гамбит”

В 2020 г. в мире продолжается экономический рост, сохраняются высокие цены на нефть. Страны “семерки” остаются в числе ведущих экономик мира. Динамично растут Бразилия, Россия, Индия и, особенно, Китай... Глобализация продолжается, но при этом растет много-

¹ См.: Мельвил А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // ПОЛИС. 2008. № 4. С. 66–85.

образии экономических и политических укладов и систем. Раскол между богатыми и бедными странами увеличивается... В России основа продолжающегося экономического роста — энергетика. В отношениях государства и бизнеса доминирует государство. Оно контролирует энергетический сектор и приоритетные отрасли — ВПК, машиностроение, транспорт... У политической оппозиции нет ни ресурсов, ни общественной поддержки. Общество удовлетворено экономическим подъемом и ростом благосостояния, интерес к политике минимальный. Федеральный центр контролирует ситуацию в регионах... Главный приоритет государства — ускоренная модернизация стратегических отраслей экономики, рост благосостояния и укрепление позиций России в мире. На шахматном языке, это — своего рода «гамбит», то есть ограничение политической и экономической конкуренции в стране ради стратегической цели модернизации России.

Сценарий 2: “Крепость-Россия”

Ситуация в мире в 2020 г. очень нестабильная и напряженная... Идет новая гонка вооружений... Россия фактически оказалась во враждебном окружении. Вдоль ее границ сложилась “дуга” реальных, тлеющих и потенциальных вооруженных конфликтов. США и ЕС решили, что “Россия потеряна”, оставили надежду, что смогут влиять на развитие России в нужном для них направлении, и вернулись к политике “холодной войны” и “сдерживания”... Россия — “в глухой обороне”. Враждебное отношение Запада к России привело к оттоку капиталов, прекращению иностранных инвестиций. Резко возросли расходы на оборону. Приходится “затягивать пояса” — сокращается потребительский сектор, падают доходы, растут налоги. Все это, с учетом нестабильных цен на нефть и активного сопротивления энергетической политике РФ, значительно осложнило решение задач российской модернизации... Страна должна сплотиться, чтобы противостоять внешним угрозам, даже если это ограничивает некоторые индивидуальные права и свободы...

Сценарий 3: “Российская мозаика”

К 2020 г. в мире развивается глобализация “по западной модели”. “Страны-лидеры” (США, члены ЕС, Япония) задают экономические, технологические и социально-политические стандарты, к которым стремятся все другие... Мировая экономика устойчиво растет. Цены на нефть относительно низкие благодаря новым технологиям. Международные институты и организации (от ВТО до НАТО, ПАСЕ и ОБСЕ) определяют “правила игры” в мире... Россия стала открытой страной, в нее идут масштабные зарубежные инвестиции и кредиты, растет благосостояние наиболее активной части населения и регионов, в наибольшей степени включенных в международное разделение труда. Однако идет и вывоз капиталов, утечка мозгов. Происходит децентрализация и суверенизация российских регионов. Одни, преимущественно дотационные регионы,

сохраняют ориентацию на федеральный центр, другие опираются на собственные силы или поддержку партнеров извне... Россия становится все более “мозаичной” и децентрализованной. Это вполне устраивает как внешний мир, так и наиболее активные и успешные регионы, которые могут максимально воспользоваться своими преимуществами.

Сценарий 4: “Новая мечта”

В 2020 г. устойчивый рост мировой экономики обеспечивают прежде всего высокие технологии. Потребность в энергоресурсах высока, но цены на нефть постепенно снижаются... У России открываются возможности сосредоточиться на внутренней модернизации. Снижение цен на нефть заставляет искать интенсивные пути развития, повышать производительность труда, инвестировать в высокие технологии и человеческий капитал... К власти пришла новая политическая коалиция, которая не помнит Советской власти и не участвовала в “дележе” и коррупции 1990-х годов... В государственном управлении наводится порядок, закон стал не “диктатурой”, а правилом жизни, и не все к этому готовы. Приходится платить все налоги... В России впервые за ее историю возник влиятельный средний класс. Но разрыв между богатыми и бедными сохраняется. За медицину, образование, жилье тоже нужно платить самим, хотя есть система социального страхования и доступные кредиты... Новое активное поколение России заинтересовано в открытой политической и экономической конкуренции»¹.

Авторы прогноза исходили из того, что «в основе каждого альтернативного сценария — своя интрига и свое “предельное” сочетание “драйверов”, отражающее возможные ключевые бифуркации в российском и международном развитии»². Они особо отмечают, что «представления о возможных альтернативных траекториях развития страны и мира глубоко встроены в идейно-политическое сознание современной России»³. Вместе с тем «проекция плана нынешней власти в будущее воспринимается участниками фокус-групп в качестве наиболее реалистичного и вероятного сценария»⁴.

Исследователи из фонда «ИНДЕМ» в 2001 г. смоделировали другой «пучок сценариев» для России-2015, фокусируясь, прежде всего, на вариантах возможных конституционно-институциональных изменений политического дизайна России. Они выделяют три базовых сценария возможных изменений и один дополнительный:

¹ Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // ПОЛИС. 2008. № 4. С. 71–74.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 85.

«*Вялая Россия*» (сценарий тихого инерционного угасания): консолидация элит вокруг требований инстинкта коллективного самосохранения, при этом в жертву приносится задача модернизации.

«*Мрачная Россия*» (сценарий установления диктатуры в централизованном государстве): раскол элит и подавление одной элитной группой остальных, использование правовой системы частью элиты в своих интересах.

«*Smart Russia*» (сценарий демократического развития): консенсус элит вокруг правил согласования интересов и урегулирования конфликтов; игра по правилам, устанавливаемым в соответствии с общепринятыми процедурами; адаптивность системы, обусловленная наличием политической конкуренции.

Гипотетически есть и четвертый сценарий — «*Распавшаяся Россия*», который является наиболее маловероятным. Это сценарий распада страны: раскол и ожесточенное противостояние элит по вертикали, отсутствие консолидации по горизонтали, правовой хаос в силу распада единой системы права¹.

В относительно свежем прогнозе эксперты группы «Сигма» предлагают четыре экономикоцентричных варианта развития России². Вариант «*Рантье*» предполагает централизацию перераспределения природной ренты через консолидированный государственный бюджет, растущий в общем объеме ВВП, а также довольно эгалитарную патерналистско-популистскую политику. Сценарий «*Мобилизация*» строится на развитии механизмов целевой перекачки ресурсов от отраслей доноров, которыми станут привычные сырьевые и перерабатывающие отрасли (нефть, газ, металлургия) в прорывные направления (нанотехнологии, энергетика, машиностроение). При этом уровень потребления граждан и внутренний спрос на первом этапе реализации сценария будут ограничены в пользу задач развития передовых кластеров современной экономики. Это может привести к росту гражданского недовольства. «*Инерционный*» сценарий предполагает тактическое маневрирование действующих центров сил перед актуальными угрозами и проблемами в целях сохранения приемлемого для них статус-кво. По сути это сценарий неразвития, накопления конфликтных противоречий и дисбалансов при отсутствии какой-либо целевой стратегии развития. Наконец, стратегия «*Модернизация*», представляющаяся разработчикам оптимальной,

¹ Россия-2015: судьба конституционно-политического устройства // <http://www.anticorr.ru/indem/2015/Cons2015.htm>.

² См.: Коалиции для будущего. Стратегии развития России. М.: РИО, 2007. С. 69–83.

требует «комплексных институциональных преобразований общества, государства и экономики»¹.

В плане глобального измерения ресурсов развития России интересен свежий экспертный доклад Национального совета по разведке США «Глобальные тренды-2025», который предлагает четыре сценария мирового развития: «Мир без Запада» (резкое падение мощи и мирового влияния США), «Октябрьский сюрприз» (климатические изменения и обострение борьбы за ресурсы), «Возвышение БРИК» и «Глобализированная политика» («Politics is Not Always Local») — качественное усиление мировых взаимосвязей и зависимостей, структур и институтов, действующих локально. В докладе предполагается, что население России сократится к 2025 г. с 141 до 131 млн человек, а доля мусульман в ней возрастет с 14% в 2005 г. до 19% в 2025 г. и до 23% в 2050 г. Россия в принципе сможет выиграть от климатических изменений, которые позволят ей разрабатывать труднодоступные месторождения ископаемых на севере и арктическом шельфе. В исследовании отмечается, что зависимость российской экономики от энергоресурсов останется критической, что затрудняет составление консолидированного прогноза относительно перспектив ее развития, во многом определяемого внешними для страны факторами².

На наш взгляд, логика институциональных каркасов, экстраполяция экономических трендов и возможные сценарии взаимодействия наличных политических центров сил, представленные здесь, выглядят слишком инерционными. Будущее обычно реализуется между и помимо предложенных сценариев, поскольку оно слишком иное, чем настоящее. И все же формирование оптимальных сценариев будущего для сложных социальных систем является первым и важнейшим этапом реализации этого будущего. Более справедливое будущее впервые заявляет о себе именно как сценарий позитивных перемен.

Многообразие сценариев будущего в отечественной социально-политической мысли указывают на растущую интеллектуальную и практическую значимость данной проблемы для России, получившей в результате социально-экономической и политической стабилизации последних лет возможность самостоятельно определять контуры собственного будущего.

---

¹ Коалиции для будущего. Стратегии развития России. С. 77.

² См.: Доклад Национального совета по разведке США «Глобальные тренды-2025» // www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html.

2. Ограниченность моделей экономического прогнозирования

Для определения стратегических приоритетов и успешного развития России в глобализированном мире необходимо предвосхищать будущее, которое не содержится в прошлом и настоящем в виде их механических проекций в грядущее, необходимо реализовывать долгосрочные экономические мегапроекты¹.

Одной из форм проективного видения российского общества и приоритетов его развития являются экономические сценарии развития. В 2008 г. Министерство экономического развития РФ (МЭР РФ) наконец-то вынесло на суд общественности долгожданную «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» (Концепция). Концепция-2020 была принята Правительством РФ накануне глобальной депрессии и сразу же отошла из сферы научного прогнозирования в область фантастической футурологии. Сегодня она заслуживает рассмотрения, но лишь в качестве примера того, что не стоит делать экономические прогнозы, инициированные идеологической потребностью в легитимации правящих элит, а не потребностями общества в реальном развитии.

Если опустить политическую риторику Концепции о формировании «экономики знаний» и обратиться к конкретным показателям и цифрам, то ее авторы сулят россиянам к 2020 г. средние заработные платы в 2700 долларов США или 90 тыс. рублей по текущему курсу (май 2009 г.). Весной 2009 г. средняя зарплата россиян составила 17 440 рублей². То есть в 2008–2020 гг. средняя зарплата в России увеличится в 5 раз.

Однако не все так просто. Проведем, например, небольшое вычисление реальной покупательной способности этой суммы при: а) сохранении нынешнего соотношения курсов рубля и доллара и б) при допущении в период 2009–2012 гг. средней официальной инфляции рубля в 13,3% годовых (это официальный ее уровень за 2008 г.). В результате нынешняя средняя зарплата, скорректированная на индекс инфляции, через 11 лет вырастет до 70 тыс. рублей. Таким образом, реальная зарплата в 2020 г. за вычетом инфляции вырастет лишь на 28% по отношению к 2009 г., а не в 5 раз.

---

¹ См.: Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 26.04.2007 // Российская газета. 27 апреля 2007 г.

² См.: Данные Росстата: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d03/6-0.htm.

Впрочем, и без сложных вычислений сам факт того, что ведущие правительственные экономисты даже в официальных документах привыкли считать в иностранной валюте, наводит на невеселые размышления относительно перспектив России.

Другие целевые параметры развития страны к 2020 г. выглядели в Концепции не просто впечатляюще, а даже слегка фантастично. К 2015–2020 гг. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП. Средний уровень обеспеченности жильем должен составить к 2020 г. 30–35 м² на человека. Доля среднего класса к тому же году должна превысить половину населения. Правда, какие параметры подразумевают отнесение людей к категории «средний класс», в Концепции не определяется.

Достичь всего перечисленного планировалось благодаря увеличению производительности труда к 2020 г. в 2,4–2,6 раза, а энергоэффективности экономики в 1,6–1,8 раза. Каким образом — в Концепции осталось не проясненным. Особенно на фоне заложенного в Концепцию опережающего роста тарифов монополий на газ, электроэнергию, железнодорожные перевозки в 2,5–3,5 раза, при общем росте цен в 2 раза. Это осложнит и без того непростое положение отечественной промышленности, которая потребляет энергии на единицу продукции в 2–3 раза больше, чем зарубежные конкуренты.

В Концепции выделялось три сценария развития страны в 2006–2020 гг.: инерционный (рост ВВП в 1,8 раза), энергосырьевой (рост в 2,2 раза) и инновационный (рост в 2,4 раза). Естественно, что в качестве целевого рассматривался последний вариант. Однако возникает ряд вопросов, связанных с переходом от инерционного к инновационному типу развития. Более всего сомнительна невнятная риторика опережающего развития «инновационного» и «постиндустриального» секторов российской экономики. Что подразумевается под «инновацией» и «экономикой знаний», а также под развитием «человеческого потенциала», в документе нигде не было определено. Все оптимистические показатели, связанные с ростом «инноваций» к 2020 г., не были «заземлены» на конкретные показатели, а потому не имеют никакого разумного смысла. Здесь любая «новация», то есть небольшая улучшающая модификация уже имеющегося товара или технологии, магическим образом превращается в «инновацию». Но 90% «инноваций» на российском рынке высоких технологий, прежде всего оружия, — это как раз модификации давно производимой продукции типа автомата Калашникова!

Складывается впечатление, что правительственные эксперты вместо объективного анализа наличных процессов и тенденций, какими бы печальными они ни были, упорно ищут некую панацею, экономи-

ческое лекарство от всех невзгод, которое, наконец, сотворит долгожданное российское экономическое чудо. В свое время на роль таких панацей претендовали и рынок, и либерализация цен, и гайдаровский монетаризм. Сейчас настала пора идеологической опоры на «инновации», «экономику знаний» и «нанотехнологии». Эксперты то ли наивно, то ли умышленно путают проблему генерации нового знания и разработки высоких технологий с циркулирующей обычной масс-медийной информацией.

Разработчикам Концепции кажется, что стоит только создать условия «для направления частных инвестиций в постиндустриальную экономику крупнейших городских агломераций, в сектор услуг (образование, торговля, рекреация)», как Россия вмиг из сырьевого придатка мировой экономики прыгнет в число постиндустриальных лидеров. Однако количество вузов и студентов в российских мегаполисах, размеры торговых площадей, экспансия компьютерной, коммуникационной, информационной индустрии и так растут неимоверными темпами, не нуждаясь в поддержке государства. Обеспеченность населения в них собственным автотранспортом, Интернетом, компьютерами,отовой телефонией соизмеримо с аналогичным уровнем передовых стран. Только все это не делает Россию лидером «инноваций» мирового уровня, поскольку качество образования остается низким, а крупный бизнес не проявляет стремления вкладываться в дорогостоящие и долгосрочные научные исследования.

О какой «экономике знаний» в России мечтают эксперты, если доля расходов российского бюджета на исследования и разработки в последние годы колеблется в пределах 1,5% ВВП? В то время как инвестиции в науку и разработку технологий в постиндустриальном обществе не могут быть ниже 10–15% ВВП, не считая равного или превосходящего объема частных инвестиций. Ведь речь идет об экономике генерации нового знания и технологий, а не об увеличивающемся обороте информации как таковой. Проблема в том, что усилиями только государства инновационной, то есть высокотехнологичной экономики, связанной с созданием уникальных в мировом масштабе технологий, не создать. Более того, существует серьезный риск, что под прикрытием инновационной риторики многомиллиардные государственные инвестиции в никому не ведомые «нанотехнологии» и «информационные сектора экономики» будут «освоены» на совсем иные нужды.

При составлении экономических стратегий развития следует отдавать себе отчет в том, что согласно сравнительному сопоставлению средних доходов населения разных стран мира за последние полтора века по паритету покупательной способности (США — 100%) лишь

считанные страны действительно смогли повысить свое место в экономической иерархии миросистемы: «За последние 50 лет лишь немногие страны сумели решить задачу догоняющего развития. Это — Япония, Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, в меньших масштабах Франция, Германия, Португалия, Финляндия, Ирландия, Норвегия... У нас есть свой печальный опыт: в 1913 г. российский ВВП на душу населения составлял 28% от уровня США по паритету покупательной способности. В 2006 г. наблюдается примерно та же цифра. За это время Япония уменьшила отставание с 25 до 76%, Южная Корея — с 16 до 56%, Норвегия — с 43 до 110%, Ирландия — с 51 до 100%. Для Англии и большинства стран Латинской Америки отставание увеличилось. Например, у Чили, которую у нас принято приводить в пример как образец успешных экономических реформ, отставание увеличилось с 50 до 29%»¹. Таким образом, значение политических и экономических стратегий часто преувеличивается в сравнении с объективными долгосрочными ресурсными, демографическими, климатическими условиями развития страны, которые неизменно вносят свои фоновые коррективы. И все же это не является поводом для пессимизма и фатализма.

Согласно программным заявлениям Президента России Д. Медведева приоритеты ближайшего будущего выражает «концепция четырех “И” — Институты, Инвестиции, Инфраструктура, Инновации. Такой подход закреплен и в подготовленной Правительством Концепции развития до 2020 г., куда добавлена пятая составляющая — Интеллект². Но ничто из перечисленного выше не заработает, если не будет главного условия — заинтересованного стремления общества к созданию новых эффективных институтов и инноваций. Поскольку любые эффективные институты, технологии и проекты могут развиваться лишь тогда, когда общество готово к восприятию этих новых целей, стратегий, приоритетов. Модернизация всегда начинается снизу, а не спускается приказами сверху.

Пока же подобное стремление к реальной модернизации в России и у людей, и у частных корпораций, и у государственных чиновников не выходит за пределы риторики. Значит, декларируемые цели расходятся с реальными желаниями и возможностями, создавая опасные иллюзии. На самом деле российское население, руководствуясь здравым смыслом, вовсе не стремится надорваться и прыгнуть выше голо-

---

¹ Полтерович В. Стратегическое и политическое планирование: новые веяния на федеральном уровне // <http://www.politeia.ru/seminar.php?2008-03-27>.

² См.: Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г. // Российская газета — Неделя. 6 ноября 2008 г.

вы в воображаемое «общество знания», оценивая положение страны и ее перспективы более реалистично, чем ее правящий класс.

Экономикоцентричные сценарии российского будущего сводятся в основном к прогнозам вариантов экономического развития, совершенно не затрагивая иные сферы жизни общества. По принципу, если экономика и доходы населения растут, то молчаливо предполагается, что общество должно быть счастливым и ничего иного ему не надо. Поэтому России нужен экономический рост любой ценой как панацея от всех социальных болезней и конфликтов. Таковы по своим интенциям прогнозы МЭР РФ, РИО-центра, Минфина РФ: «Перед авторами КДР была поставлена задача — обосновать “большой рывок”, который выведет Россию в число мировых лидеров. Интересно, однако, что, не будучи идеологически ориентированной, Концепция сама по себе является протоядром идеологии, которую... можно назвать “идеологией опережающего развития”... однако, с другой стороны, реализация стратегии “большого рывка” предполагает колоссальное увеличение расходов на модернизацию. Поскольку, как известно, “из ничего ничего не бывает”, остается предположить, что основная тяжесть модернизации ляжет на плечи российских граждан. При отсутствии широкого общественного консенсуса это может привести к возрастанию социальной напряженности и в конце концов — к краху всего модернизационного проекта»¹.

Возникает обоснованное опасение: почему нынешнее население путем разных ограничений и мобилизации должно оплачивать эфемерное счастье будущих поколений? И так ли уж нужен России «опережающий» остальной мир темп развития, выражаемый не столько в улучшении качества жизни, сколько в динамике довольно абстрактных макроэкономических показателей? Не является ли риторика такого развития лишь способом политической легитимации и оправдания заведомых неудач? Наконец, ответ на вопрос о том, что считать ростом и развитием, тоже далеко не самоочевиден.

Нынешние структурные тенденции в экономике следует признать негативными. В 1990 г. импорт в потреблении составлял только одну седьмую всех товаров. Сегодня почти половина того, что мы потребляем, — продукты питания, одежда, бытовая техника, автомашины, — производится за рубежом. За растущий импорт мы отдаем половину годовой добычи невозобновимых ресурсов. Другая половина добываемых нефти и газа потребляется внутри страны. На данном фоне все более популярная имперская риторика о самодостаточности и независимости России, полезности экономической закрытости и автар-

¹ Бенедиктов К. Дебаты «в нулевом чтении» // Русский журнал. 2008. № 1. С. 47.

кичности выглядят несколько наивно¹. Нужен ли России такой рост, обеспечиваемый мировой конъюнктурой цен на сырье, а не реальными успехами в производстве конкурентных и востребованных во внешнем мире товаров и технологий? Вопрос риторический.

В настоящее время экономика России остается крайне примитивной и чудовищно ресурсо- и энергоемкой. Более того, «потребление газа в России превосходит его использование в семи крупнейших экономиках мира — Китае, Индии, Японии, Бразилии, Великобритании, Германии и Франции — *вместе взятых*. Заметим: каждая из этих стран опережает Россию по показателю ВВП *calculated by purchasing power*, а все вместе они генерируют валовой продукт, превосходящий российский без малого в 16 раз»². В условиях продолжения экономического роста в России со всей остротой встанет проблема сокращения экспортного потенциала нефти и газа, которые необходимо будет направить на обслуживание новых производственных мощностей. Ведь отечественная отрасль нефте- и газодобычи подошла к естественному пределу, прироста объемов добычи не наблюдается за весь постсоветский период. Материало- и энергоемкость российской экономики — основной фактор слабой конкурентоспособности на внешнем рынке. А без глобальной конкурентоспособности нормальное развитие в современном мире невозможно. Это доказывает тот печальный факт, что объем импорта в потреблении россиян увеличился в 3 раза — с 14% в 1991 г. до 46% в 2007 г.

Нынешняя экономическая реальность в свете инновационных утопий Кремля действует отрезвляюще: в 2007 г. доля сырья (нефть, газ, лес, металлы, удобрения) достигла рекордных 84,2%, а доля «нефтегазовой составляющей» в бюджетных доходах увеличилась с 31 до 54%³. Поэтому если к 2020 г. Россия переломит данную негативную тенденцию в пользу экспорта продукции перерабатывающей отрасли и вторичного передела: вместо нефти — бензин и синтетика, вместо леса — мебель, вместо металлов — машины и станки, не говоря уже о журавле «прорывных технологий» — то это даже без всяких «инноваций» и «постиндустриальности» можно будет считать достойным результатом.

Как никогда, актуальной задачей для властвующей элиты становится формулировка направлений развития, которые обеспечат необходимый

¹ См.: *Юрьев М.* Третья империя. Россия, которая должна быть. М., 2007; *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Алгоритм, 2002; *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. В 2 т. М.: Алгоритм, 2001; и др.

² *Иноземцев В.* Закат энергетической сверхдержавы // <http://www.inozemtsev.net/index.php?m=vert&menu=sub1&id=961>.

³ *Иноземцев В.* Конкурентоспособность России: мифы, иллюзии, методы повышения // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 6.

запас прочности российской экономике, основу для материального благополучия граждан, поскольку победившая в массовом сознании идеология общества потребления предопределяет вектор действия элиты.

Президентское послание-2008 утверждает: *«Наш приоритет — это производство (а в перспективе — и экспорт) знаний, новых технологий и передовой культуры. А значит — достижение лидирующих позиций в науке, в образовании, в искусстве. Мы обязаны быть на переднем крае инноваций в основных сферах экономики и общественной жизни. И на такие цели ни государству, ни бизнесу скупиться не стоит — даже в непростые финансовые периоды»*.

Данная цитата смотрится весьма контрастно на фоне реальной экономической статистики, подводящей итоги всего предшествующего политического курса: «за 2002–2006 гг. доля природных ресурсов и продуктов их первичной переработки в экспорте выросла с 78,2 до 85,5%, а машин, оборудования и транспортных средств упала с 9,4% до 5,6%... Ввоз из-за границы продовольствия в 2000–2007 гг. вырос в 3,7 раза, товаров народного потребления — в 4,3 раза, машин и оборудования — в 7,1 раза, сложной электронной техники — в 12,8 раза, а легковых автомобилей — в 22,3 раза. В то же время отечественная промышленность стагнировала, доля расходов на науку составила в 2006 г. меньшую долю федерального бюджета, чем в 1992-м, а число научно-исследовательских работников за 1992–2006 гг. сократилось более чем вдвое»¹.

Для поддержания нынешних темпов роста России необходимо постоянно увеличивать потребление энергетических ресурсов. Экстенсивный рост экономики ведет к экологическому и энергетическому кризису. Например, по подсчетам экономистов уже в 2008 г. возникла системная проблема энергодефицита. Уровень 1990 г., момента распада СССР, после 20 лет жизни в обществе потребления до сих пор не превзойден. По подсчетам экономистов Д. Фомина и Г. Хазина, российский ВВП 2007 г. составил лишь 87,4% (при данных официальной статистики в 104,5%) к ВВП РСФСР 1987 г., принятого за 100%. При этом стоимость практически не обновляемых основных фондов снизилась в результате амортизации до 58,5%. Фактически экономика России за постсоветский период потеряла чуть ли не половину своей стоимости (официально она выросла до 132,9%), производительность труда упала до 71% (официально — 101,7%)². А восстановительный рост 2000-х гг. объясняется лишь вводом в эксплуатацию простаивав-

¹ *Иноземцев В., Кричевский Н.* Модернизация: Экономика предложения // Ведомости. 10 ноября 2008 г.

² См.: *Фомин Д., Хазин Г.* Конец воображаемого советского благополучия // Свободная мысль. 2009. № 3. С. 13.

ших в депрессивные 1990-е гг. производственных мощностей и увеличением фондоотдачи, а вовсе не созданием новых предприятий. И этот потенциал восстановления к 2008 г. был исчерпан.

Если обратиться к рейтингу лучших вузов мира, то в 2007 г., согласно рейтингу Шанхайского университета, в мировой топ-500 от России входят только МГУ (76-е место) и СПбГУ (305-е место), и за последние годы российских вузов в этом списке не прибавилось¹. В основных европейских и американских рейтингах российские вузы вообще отсутствуют.

Частный бизнес за весь постсоветский период так и не начал финансировать фундаментальную отечественную науку, поэтому науке остается надеяться только на госзаказ и собственные силы энтузиастов от науки. Даже несмотря на это рейтинг России в индексе цитируемости, рассчитанный преимущественно по базе данных Института научной информации (США) на платформе Web of Knowledge, показывает, что в период 1995–2005 гг. страна находилась на девятом месте среди стран, поставляющих наибольшее количество статей, учитываемых в международных базах. По уровню цитируемости работ отечественного научного сообщества Россия занимает 17-е место в мире, демонстрируя понижающуюся динамику. В мировом научном потоке на долю России приходится 3,7% публикаций, в то время как Китай в последние годы смог нарастить свою долю до 5,07%².

Стратегия адаптации и приспособления сегодня не может оказаться удачной, поскольку обрекает на вторичность и зависимость от вектора чужого развития, что в полной мере продемонстрировал глобальный экономический кризис. В мире «сами собой» могут освободиться только непривлекательные глобальные экономические ниши, связанные, например, с сельским хозяйством, ручным малооплачиваемым трудом и конвейерным производством ширпотреба, которые вряд ли устроят россиян. Все привлекательные секторы глобальной экономики, опирающиеся на передовые технологии, обещающие высокую норму прибыли, надо либо создать с нуля, либо завоевывать в конкурентной борьбе. Значительные достижения на данном направлении у нас пока отсутствуют, а доля России в мировой инновационной экономике стабильно падает. Первостепенные задачи, связанные с повышением привлекательности рубля в качестве мировой резервной валюты, не выполняются.

¹ Полная версия на Интернет-сайте: <http://ed.sjtu.edu.cn/rank/2007>.

² См.: Маркусова В.А., Соколов А.В., Либкинд А.Н., Митин В.А. Сравнение научной продуктивности ученых России и других стран Большой восьмерки // Научно-техническая информация. Сер. I. Организация и методика информационной работы. 2006. № 6. С. 18–27.

По пути продвижения рубля в качестве одной из мировых резервных валют, перевода платежей за российские товары из долларов в рубли, триумфально анонсированного в 2006 г., не сделано ни шага. Достаточно сравнить лишь две цитаты:

В. Путин, послание-2006: *«Необходимо организовать на территории России биржевую торговлю нефтью, газом, другими товарами. Торговлю — с расчетом рублями. Наши товары торгуются на мировых рынках. Почему не у нас? (Аплодисменты)»*.

Д. Медведев, послание-2008: *«Нужно предпринять практические шаги по усилению роли рубля в качестве одной из валют международных расчетов. И, наконец, начать переход к расчетам в рублях — который мы, к сожалению, затагнули — конечно, прежде всего за газ и за нефть. Надо стимулировать размещение новых эмиссионных ценных бумаг именно в рублях и желательно — на российском рынке. Конечная цель всех этих процессов — сделать рубль одной из региональных валют»*.

Аналогична ситуация с вступлением в ВТО, о котором говорилось еще с середины 1990-х гг., а вероятность вступления все эти годы только падала. Интеграционные переговоры с Евросоюзом фактически заморожены, а пространство СНГ окончательно виртуализировалось, будучи на практике регулируемо лишь двусторонними договорами и соглашениями.

В свете подобной статистики создается стойкое впечатление, что власть и общество по-прежнему продолжают жить и функционировать как бы в совершенно разных слоях политической реальности, которые связаны между собой исключительно одним: те и другие составляют ту все более эфемерную общность, которая составляет *единный народ, Россию*. Общность со взаимосвязанной судьбой, будущим, перспективами и необходимостью действовать в усложняющейся мировой системе. До тех пор пока этот непреложный факт не будет должным образом осознан, любая интеллектуальная стратегия, предлагаемая властью обществу, не будет этим обществом воспринята, осознана как собственная, необходимая и рациональная. Без выполнения этого ключевого условия каждая стратегия будет сразу же перемещаться в область политического невозможного, в область ритуализованных и соответственно формальных процедур. А все значимые направления развития будут сводиться к микроскопическим и мало значащим для перспективного роста квазиреформам, вечному продолжению того, что так никогда и не было по-настоящему начато.

Между тем будущее человечества заставляет отказаться от привычных показателей развития эпохи советской индустриализации. В перспективе рост экономики представляется вторичным техническим индикатором, а не самоцелью. Лес, вода, земля, чистый воздух — вот

те ресурсы, стоимость которых будет только возрастать. Например, страны ЕС вкладывают в экологию, энергосберегающие технологии и природные источники энергии немалые средства, но долгосрочная отдача от них будет еще больше: энергетическая независимость от внешнего мира, конкурентные преимущества, уменьшение себестоимости продукции, рост продолжительности активной жизни европейцев. Поэтому отечественная экономика тоже обречена на смену принципов и приоритетов. Механический «рост без развития» — стратегия, заранее обреченная на неудачу. Рост ради роста наносит окружающей среде и людям больше ущерба, чем выгоды, которые получает от него российское общество. И рано или поздно будущее предъявит счета к оплате. Оно уже начинает это делать.

Человеческая цивилизация эпохи потребления работает на износ биосферы. Отходы производства, их переработка, восстановление взятых у природы ресурсов (лес, вода, нефть, кислород), загрязнение окружающей среды просто не учитываются в балансе прибылей и расходов. На 1 рубль полезного продукта в России производится 2–3 рубля не переработанных, не очищенных и не утилизированных отходов производства и загрязнений, лежащих тяжким бременем на биосферу. Все зависит от того, как посчитать прибыль и издержки. Но возможно ли индивидуальное спасение в зачумленном мире? И кто эти избранные, имеющие моральное право и материальные возможности спастись, в отличие от большинства населения, людей, которые не могут себе позволить экологической защиты в виде создания, по сути, индивидуальной биосферы?

Технически можно удвоить ВВП России хоть за три-пять лет — вырубить леса, занизить экологические стандарты, отменить налоги. А еще отменить бесплатное здравоохранение, обучение и пенсии по возрасту для подавляющего большинства населения, которых нет в нынешнем Китае. И ВВП моментально удвоится. Но радости и благополучия подобный рост российскому населению не принесет. Тогда почему технический критерий — экономический рост — выдается за главную цель, за критерий развития страны? Не является ли заикленность современных политиков, экономистов и финансистов на макроэкономическом росте свидетельством отсутствия у правящего класса стратегии развития страны? И кому рост «любой ценой» выгоден кроме крупных компаний, чьи акции вращаются на фондовом рынке, демонстрируя рост капитализации в условиях увеличения производства.

Логика эффективного менеджера, заменяющая логику политическую, заведомо аморальна и порочна. Население страны — это не трудовой коллектив наемных рабочих, подчиненный исключительно принципам эффективности: «Главный принцип корпорации — минимиза-

ция персонала при максимализации дохода; страна отличается от корпорации тем, что рассчитана в идеале на более долгие времена. Беда эффективного менеджера в том и заключается, что он неэффективен — ибо любой прагматизм хорош на очень коротких (в историческом масштабе) временных отрезках... Если страна не ставит себе великих непрагматических целей, она очень скоро лишается и того необходимого, что входит в прожиточный минимум»¹.

Для поддержания количественного роста России необходимо постоянно увеличивать потребление энергетических ресурсов, но экстенсивный рост экономики ведет к исчерпанию производственных мощностей, экологическому и энергетическому кризису. Эксперты давно указывают на очевидную симптоматику «голландской болезни» и расширяющееся «ресурсное проклятие» России. Элиты же дают уклончивые ответы о благотворном превращении страны в «сырьевую сверхдержаву» или «суверенную демократию». Наибольшие выгоды от такой модели получает не большинство населения, вынужденное играть роль потребителей, а цепочка транснациональных, федеральных, региональных экономических монополий в разных областях отечественной экономики. Но когда-то, и возможно быстрее, чем предполагают и население, и элиты, России придется жестоко заплатить за эту стратегическую и потребительскую беспечность. А экономический рост ради роста окажется слишком дорогим, чтобы поддерживать его дальше все более дорогой ценой. Однако глобальные альтернативы обществу потребления не возобновляемых ресурсов вряд ли возникнут из экономического взгляда на общество.

Представляется, что в России перспективы экономического возрождения связаны все-таки не с рецептами, предлагающими проводить во второй раз индустриальную модернизацию страны (общество «второй волны»), но со стратегиями, позволяющими разным российским отраслям и регионам активно включаться в передовые стандарты развития обществ, в глобально формирующееся постиндустриальное пространство «третьей волны»². Речь идет о развитии отечественных кластеров нового технологического уклада, прежде всего по тем направлениям, в которых Россия традиционно сильна — вооружения, авиастроение, космос, программное обеспечение, атомная энергетика (единственный в мире промышленный «реактор на быстрых нейтронах» сегодня работает в России на Белоярской АЭС) и т.д.

¹ Быков Д. Эффективный менеджер // Русская жизнь. 30 апреля 2007 г.

² «Первая волна» — аграрная революция человечества, «вторая волна» — промышленный переворот, «третья волна» — переход к обществу с ведущей ролью знаний: Подробнее см.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.

Сможет ли Россия в XXI в. предложить миру более привлекательный образ будущего, чем слишком многих не устраивающая нынешняя система, глобально ориентированная исключительно на текущее потребление? Где каждое государство и отдельный человек хотят откусить побольше от глобального пирога, и в этом видится основной критерий успеха. Но мало кто замечает, что пирог этот давно не растет, а усыхает, и качество его ухудшается.

3. Российский тренд: от индустриального Модерна к «неотрадиционализму»?

Постсоветский период все чаще трактуется как возврат России в мировую историю, в капиталистическую миросистему, из которой она в период СССР была частично выключена. Однако этот возврат обусловил ряд неприятных открытий, реакцией на которые стала попытка восстановления России как автономного пространства, не испытывающего влияния извне и не вписывающегося в общие мировые закономерности. «Культура страны, вставшей посередине между Европой и Азией, предстает в образе непостижимого Сфинкса, в виде соединения несоединимого, которое нет смысла ни оценивать, ни анализировать. “Исключительность” России — это тезис, подтверждающий сам себя и не нуждающийся ни в каких доказательствах, ибо выступает в качестве исходной аксиомы мышления. Для того, чтобы осознать эту исключительность, русскую историю и социальную практику первым делом исключают из контекста “общего” повествования. Одно дело — сказать, что мы “не нормальная страна”, или, наоборот, заявить, что у нас своя, особая, им недоступная норма. А другое дело — осознать, что общие нормы включают и наш опыт как частный случай. Просто норма не такова, как кажется...»¹

Здравый смысл позднего советского общества уже не был принципиально иным, чем в иных регионах миросистемы. Поскольку оно представляло собой версию реализации классического классово-индустриально-идеологического Модерна, гибридное общество традиционного и потребительского типа. Но в итоге конфликт системы и жизненного мира был разрешен в пользу второй составляющей, то есть снятием ограничений на потребление, которое в своем непосредственном и отложенном виде является материальным аналогом бесконечного накопления капитала.

В настоящее время общество потребления *принципиально* устраивает все идейные лагеря и социальные группы в части своих фундамен-

¹ Кагарлицкий Б. Разгадка сфинкса // Русская жизнь. 27 августа 2008 г.

тальных ценностей, принципов, целей и логики функционирования. Спорят лишь о второстепенных вопросах — о минимуме и максимуме потребления, о возможностях его перераспределения от одних групп населения, стран и регионов мира к другим. Собственно, в этом и заключается присущий обществу потребления дискурс справедливости как дискурс перманентного передела. И альтернатив ему внутри такого общества быть не может по определению.

В идеальной модели современности-модерна внешние ограничения государства-монополии сводятся к минимуму, фактически здесь легально может действовать только самоцензура. Индивидуалистическая модель большого общества основана на проекте Просвещения, которое, по словам Канта, дает каждому взрослому гражданину возможность интеллектуальной автономии, право пользоваться собственным разумом для вынесения любых своих суждений и аргументации любых своих поступков, что плохо согласуется с внешней цензурой¹. Для этого от человека требуется определенное мужество и смелость, поскольку подобная свобода снимает ответственность за поведение человека с любых внешних регулятивных инстанций, будь то государство, традиция, социальный класс, семья, трудовой коллектив и т.д. Такая свобода имеет оборотной стороной долг нести личную ответственность за все сказанное и сделанное. Однако государство никогда не устроит подобная саморегуляция, поскольку интересы и права отдельных людей имеют свойство пересекаться, а для разрешения конфликтов нужен посредник, хранящий нормы, то есть государство.

Современные многосоставные, плюралистичные, урбанистические общества уже невозможно без их насильственной деградации и упрощения свести к традиционной одномерности, когда одно верование или система ценностей способны объединить абсолютное большинство. Это возможно лишь в том случае, если народное мнение спрашивать не будут. Единственный эффект подобного ограничения и «регуляции» — расширение пространства для произвола тех, кто возложил сам на себя от имени различных воображаемых структур и коллективных общностей (государство, Россия, мораль, Бог, истина, пролетариат, «нормальные люди») монополию на определение политической нормы и патологии.

Возникает резонный вопрос — а судьи кто? Факт занятия неких государственных, властных постов вовсе не делает их легитимными «прогрессорами» в отношении всех остальных. Легальные основания чьей-либо монополии не самоочевидны. Поскольку в мультикульту-

¹ См.: *Кант И.* Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение» // Кант И. Соч. В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 25–36.

ном и мультиконфессиональном обществе все ценности имеют право на существование, даже в том случае, если они кому-то не нравятся. Поэтому в современном секулярном мире любые внешние ограничения, адресованные взрослым людям и исходящие от государства, церкви или иной корпорации, все чаще встречают обоснованное сопротивление, так как представляют собой не что иное, как попытку превратить рационально мыслящего и самостоятельного индивида в ребенка, якобы не способного отвечать за свои действия и нуждающегося в неких «родителях», которые за него и для него будут определять, «что такое хорошо и что такое плохо», решать, что можно читать, писать, говорить, изображать, а что нельзя.

В индивидуализированном обществе человек будет действовать скорее вопреки внешним запретам, отстаивая пространство своей привычной свободы и солидаризируясь с теми, чью свободу пытаются поставить под сомнение путем низведения к искусственному состоянию детской неспособности. Любое сокращение прав и свобод, приватно-автономной сферы индивида со стороны государства является динамическим процессом, и без сопротивления людей, обозначающих разумные пределы вмешательства общества в частную жизнь, ее огосударствление может пойти весьма далеко.

Безусловно, государство всегда испытывает искушение, вместо того чтобы тратить усилия на уговоры, поиск аргументации, на дискуссии, диалоги и попытки наладить со своими реальными или воображаемыми оппонентами равноправную коммуникацию, просто запрещать, сажать, ограничивать всех тех, чьи убеждения и действия не вписываются в господствующие идеологические представления и нормы, наказывать их как провинившихся детей, которые чего-то там «недопонимают». Но эффективность подобной простоты лишь кажущаяся. В ее основе часто лежит бессилие вертикального классово-идеологическо-индустриального государства перед сетевым, мобильным и все менее связанным национальными границами обществом, его неспособность отстоять свою правоту на интеллектуальном поле, не прибегая к системе насилия, пусть и легального, но часто уже не легитимного. Ведь любое законное насилие становится просто насилием, если к нему прибегают слишком часто и безрезультативно.

Государство, обладающее правом на легитимное насилие, установление предписывающих норм и законов, регулирование публичной сферы, может существовать, лишь избегая тщетных попыток регулирования ряда периферийных феноменов «проклятой стороны вещей», таких, например, как экстремизм. Государство как монополия имеет в своей основе систему ценностей, правил и ограничений, а любая ценность, определяющая общественные правила, является по своей

сути запретом. Даже ценность свободы есть не более чем запрет «отнимать» свободу. Проблема в том, что ни одна ценность не может находиться в «естественном» привилегированном положении, поскольку все они логически уязвимы в качестве монопольных норм, предлагающих образцы должного, которыми человеку следует руководствоваться в своей жизни, будь то рациональность, эгоизм, коллективизм, честь, здравый смысл, «воля к власти», та или иная вера, традиция, научный эмпиризм и т.д.

Ни одна из этих ценностей формально не может быть мерилom для других, поскольку все они являются ограничениями и императивами, разделяемыми людьми «здесь и сейчас» и действующими только в силу данных обстоятельств, а не в силу их некоей вневременной истинности. Объективной сверхценности, являющейся мерилom всех остальных ценностей, в обществе Модерна быть не может. Критерием служит лишь изменчивый общественный консенсус относительно тех или иных ценностей и правил. Поэтому и государство, и общество являются собой площадку исторической борьбы интересов и ценностей, которые время от времени уступают друг другу место господствующей общественной нормы.

Поэтому наблюдаемая ныне правотворческая агрессивность российского государства в области определения экстремизма, регулирования выборов и информационной политики, которая исходит из презумпции виновности граждан, ведет лишь к обратному результату¹. Запретный плод сладок. Лучший способ мотивировать людей что-либо сделать, это запретить данное действие. Такие занудно-графоманские тексты, как «Майн кампф» А. Гитлера можно прочитать только наперекор стимулирующему запрету, а вовсе не благодаря его наличию в свободной продаже. Искусственный дефицит зла и отсечение «проклятой стороны», любые ограничения будут тут же с лихвой восполнены параллельными и неформальными каналами информации.

С другой стороны, представляется очевидным, что усиленная борьба с экстремизмом, терроризмом и доморощенными фашистами, демонстрируемая российскими политическими элитами в СМИ, выполняет две важнейшие функции. Во-первых, она обосновывает и проявляет на конкретных примерах «борьбы» моральность действующего государства, политического режима, социально-экономической системы и всех тех, кто действует от их имени. Во-вторых, она проводит основополагающие политические границы: нормального/патологиче-

---

¹ Подробнее о рождении государственного экстремизма из духа борьбы с «просто экстремизмом» см.: *Мартынов В.С., Фишман Л.Г.* Быть свободным или «бороться с экстремизмом»? // Новый мир. 2008. № 11. С. 132–152.

ского, легального/нелегального, закона/произвола, морального/аморального. То есть легитимирует действующий политический режим, одновременно позволяя методами монополии на классификацию политического поля выводить за его пределы все то, что угрожает его дальнейшему существованию. И это при том, что несмотря на все более активное присутствие в информационно-политической повестке дня, в законодательной и правоприменительной практике, реальная значимость и воображаемая опасность экстремизма в глазах граждан России уменьшается. Согласно результатам опросов, проведенных в 2008 г. Левада-Центром, среди внутренних угроз России экстремизм является аутсайдером, вызывая опасения лишь у 5% опрошенных (в 2007 г. — 10%). А больше всего население волнуют такие угрозы, как произвол властей (20% опрошенных), экономические проблемы и снижение темпов развития (19%), борьба кланов внутри власти (12%)¹. Таким образом, самоопределение и легитимация через борьбу с экстремизмом более важны для властных элит, нежели для населения. Именно для элит, выстраивающих систему «управляемой демократии», ситуация выглядит так, что по мере приближения к торжеству оной сопротивление разного рода недовольных возрастает. И чтобы подавить недовольство используется термин «экстремизм» — столь же широкий и неопределенный, как само это недовольство.

Элита формирует выгодную повестку дня, замещая темами терроризма, фашизма и судеб отдельных олигархов такие важные для российского общества проблемы, как бедность значительной части населения и бюджетников, ухудшение структуры экономики, экстремальное социальное расслоение, демографический упадок и т.п. На самом деле ключевые задачи, стоящие перед Россией, совсем другие, нежели те опасности в виде миграции, «куриного гриппа», международного терроризма, которые раздуваются в информационной повестке СМИ. Кроме того, во внешней политике Россия все активнее использует тупиковый конфликтный сценарий, который мешает ей эффективно отстаивать национальные интересы в режиме нормального политического торга, частью которого является привычная риторика США и стран ЕС о правах человека, демократии, свободе и т.д.

Возможно, нынешняя правящая элита не находит ничего лучшего для себя, как видеть российское население не самостоятельными гражданами, а всего лишь опасными и несмышленными детьми, которые загораются любыми прочтенными или услышанными где-то идеями и начинают претворять их в жизнь, и от которых эти идеи, как спички, нужно прятать. Сама себя она, очевидно, считает — благода-

¹ Данные сайта Левада-центра: <http://www.levada.ru/press/2008020800.html>.

ря своему положению — никогда не ошибающейся в различении полезного и вредного, добра и зла. Эти «отцы народа», периодически пугающие общество опасностью какого-нибудь экстремистского «фашизма», явно переоценивают степень своей проницательности. Впрочем, они не одиноки. Не так уж давно по историческим меркам элита очень цивилизованной европейской страны сама отдала власть одной печально известной «экстремистской организации», несмотря на то что большинство граждан этой страны за нее на выборах не голосовали. Речь идет о германских нацистах и партии НСДАП, набравшей на выборах 1933 г. около 46%. Страшную ошибку в выборе добра и зла совершила как раз элита, а народ-то в своем большинстве проголосовал за других...

Стоит вспомнить, что в 1990-е гг., в ельцинский период в России пропагандировалось и издавалось все, что угодно, почковались самые разные политические организации, с расистским, нацистским и фундаменталистскими уклонами. Но при всей этой безмерной свободе, данной Конституцией РФ, почему-то ни одна из экстремистских групп или идеологий не оказала существенного влияния на политическую жизнь России, оставаясь в своем маргинальном политическом гетто. И такая ситуация изоляции экстремизма поддерживалась вовсе не благодаря запретам и законодательным усилиям власти, но благодаря широкому общественному согласию граждан в обществе, которое посредством перманентных дискуссий само определяет границы приемлемого и неприемлемого в политике.

Прогноз дальнейшего развития ситуации прост. Ограничения и ужесточения лишь разожгут дополнительный интерес к той маргинальной сфере, которая усилиями государства приобретает сладкий привкус запрета. Запретные списки экстремистских материалов и организаций, составленные на основе сомнительных критериев, будут множиться, как снежный ком. В обществе потребления, где все доступно, сфера немногочисленных прямых запретов приобретает особый магнетизм. Поэтому экстремизм в российском обществе будет лишь расширяться как «проблеченная сторона вещей». А само общество, будучи помещено в искусственное пространство интеллектуальной и информационной стерильности, сервильности и благонадежности, во многом потеряет «естественный иммунитет» как способность самостоятельно сопротивляться тем интеллектуальным болезням и инфекциям, от которых его ограждают.

Итак, проблема в том, что в плюралистическом обществе Модерна-современности ни одна идеология не может быть в монопольном положении, а общенациональная идеология, как показали бесплодные попытки ее конструирования в России 1990-х гг., вообще невозможна:

любая идеология призвана выражать в историческом контексте взгляды части общества, той или иной социальной группы, но не общества в целом. Соответственно, невозможна и надидеологическая, объективирующая позиция, которая могла бы, исходя из собственных внутренних критериев, отделить «проклятую сторону» от «нормальных идеологий». Здесь опора государства на идеологии оказывается нефункциональной. Таким образом, идеологическая монополия государства стремительно сокращается, а легитимность способов прямого регулирования в тех или иных сферах общественной жизни постоянно падает.

Когда-то оправдание подобного регулирования строилось на великих целях, требующих жертв и самоограничительной аскезы, будь то война, соперничество с другими странами, модернизация, построение коммунизма и т.п. В современном мире подобное алиби государства воспринимается как неудачное оправдание чьих-то корпоративных интересов. Великие цели и «метанарративы» (Ж.-Ф. Лиотар), по сути, нужны в нынешнем мире лишь тем, кто оказывается лишним в «индивидуализирующемся», информационном, сетевом обществе, складывающемся в мегаполисах — это раздутые аппараты федеральной и региональной бюрократии, спецслужбы, армия, МВД, госмонополии, всевозможные контролирующие и регулирующие органы и прочее. В саморегулирующемся и девертикализованном урбанистическом обществе они востребованы все меньше, теряя функциональное алиби, легитимность и финансирование.

Тем не менее уже ненужные части государственной монополии модернистского образца продолжают бороться за право на существование. В результате лояльность перестает быть одним из факторов удержания монополии, поскольку должна подкрепляться не только удовлетворением текущих потребностей и обеспечением относительно комфортных условий жизнедеятельности граждан, но и некой сверхидеей, которая легитимирует насилие государства и обеспечивает консолидацию общих ценностей и идеалов. Подобных сплывающих проектов новейшим российским государством за последние 20 лет предложено не было. Возможно, потому, что множественные и разнообразные трансформации Модерна, ускоренные социальными изменениями постбиополярного мира, в особенности опытом развала/распада СССР, не являются окончательными в своих существенных чертах.

Происходящие трансформации российского государства как вида монополии не всегда явно выражены институционально. Такие «метаморфозы», как переходы от классового общества к массовому (потребительскому), стирание различий между социальными группами и их превращение в виртуальные «группы населения», процессы трансгрес-

сии привычных идеологий и легитимирующих политику ритуалов (выборы, демонстрации, опросы, референдумы и т.д.), индивидуализация и урбанизация постмодернового мира, плохо описываются доминирующим ныне категориальным аппаратом эпохи Модерна.

Поэтому популярные теории постиндустриализма, информационного или сетевого общества, «общества без идеологий и утопий», транснационализации во многом является скорее желаемым образом будущего, нежели эффективным способом описать реальность настоящего и интегрировать на более универсальных основаниях растущую «проклятую сторону». Нации-государства все еще остаются ключевыми монополиями мировой политики, сколь бы активно их легитимность ни подтачивали транснациональные корпорации и мультикультуралистские теории. С позиций социальной диагностики скорее можно говорить об усилении «неодновременности» современных сложных обществ, «гетерархии» государств и увеличении вызовов легитимности, перед лицом которых оказались нации в условиях общей транснационализации политического.

Представляется, что успешность преодоления критической раздробленности выражается в том, насколько конкретному обществу удастся сгладить различные формы неравенства, обеспечить доступ людей к различным возможностям. Главная причина раздробленности — в имущественном расслоении, растущем образовательном и статусном неравенстве, в региональных диспропорциях, ценностных конфликтах поколений, социальных и этнических групп, проживающих в урбанистических и неурбанистических культурных ландшафтах, граница между которыми является фронтиром прошлого и будущего, синтезировать которые в настоящем становится все сложнее.

В 2000-е гг. эволюция государственных институтов и их легитимирующих оснований в России двигалась в направлении все большей монополизации и унификации политического пространства. Безусловно, централизация российского государства в 1990-е гг. была необходима, чтобы новые политические институты и лежащие в их основе общественные логики вообще возникли и заработали, хоть как-то выполняя свои функции. Однако чем дальше, тем больше централизация и построение функциональных вертикалей власти выполняли функцию алиби для свертывания конкурентной и непредсказуемой публичной политики. Государство фактически отказалось бороться с социальной энтропией в публичном политическом поле.

Публичное пространство продолжает сокращаться, система формальных сдержек и противовесов постепенно отмирает, сменяясь договоренностями узкого круга лиц, а институты приобретают все более декоративный и номинальный характер. Например, несмотря на фе-

деративное устройство России, были фактически упразднены самостоятельные пространства региональных политик. Экономика постепенно эволюционировала в замкнутую цепочку монополий федерального, регионального и местного масштаба во всех основных сегментах рынка. Контроль над основными СМИ способствовал перемещению общественных дискуссий на более маргинальные пространства (Интернет, круглые столы, экспертные клубы и т.п.).

Огосударствление экономики и разрастание контролируемой публичной сферы в современной России, по сути, возвращает государство и методы его управления в лучшем случае к классическому «советскому Модерну». С другой стороны, российское общество окончательно преодолело данный исторический этап в ходе урбанизации, перестройки и последующих институциональных трансформаций, продемонстрировав, что государственные и общественные идеологемы и структуры классического Модерна работают все хуже¹. К аналогичным выводам приходит и Б. Дубин, обобщая результаты социально-политических изменений постсоветского периода: «Ни одна из основных проблем постсоветского социума — строительство современных институтов, нормализация процессов воспроизводства общества и систем его управления, интеграция страны в большой мир — не только не решены всерьез, но отодвинуты даже их постановка и обсуждение. Большинство серьезных и неотложных реформ — земельная, армейская, образовательная, жилищно-коммунальная — не сдвинулись с места»².

Соответственно, наблюдаемые в 1990–2000 гг. процессы изменения постсоветского государства описываются Б. Дубиным как «упразднение или кардинальная трансформация собственно современных институтов... возвращение и нарастание имперских, ностальгически или остаточно великодержавных моментов в системах *коллективной идентификации* российского населения — мифов об “особом пути” страны, изоляционистских установок в отношении Запада, реакций отторжения и агрессии по адресу этнических “чужаков”. Это процессы нарастающей неотрадиционализации социума... воскрешение в массовом сознании мифологии силовых институтов и авторитарных систем (армии, тайной полиции)...»³.

Более того, как аргументировано утверждает Л. Гудков, «поскольку центральные институты в России, поддерживающие символику и семантику всего социального целого, — это институты государственной

¹ См.: *Мартынов В.* Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2007.

² *Дубин Б.* Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 6.

³ Там же. С. 7.

власти, вооруженных сил, “органов”, то “насилие”, “агрессия” превращаются в доминантные коды социальной организации населения. Где действуют нормы демонстративного насилия, там вытесняются проблематика и сам язык “понимания”»¹.

Такого рода функциональное упрощение оказалось эффективным только во «внутренней реальности» самой власти, в качестве способа преодоления ее собственной неоднородности, то есть усмирения региональных элит, формирования механизма «преемничества», обеспечения парламентского большинства, устранения из «большой политики» независимых и несистемных игроков-олигархов, коррекции выборного законодательства в плане обеспечения предсказуемости народных волеизъявлений и т.д. Но общая дифференциация расколотого постсоветского общества, экономическая, региональная, поколенческая и идейная дифференциация вовсе не уменьшились. Наоборот, поскольку общество имеет все меньше механизмов для заявления своих ценностей, целей и требований, все чаще рассматриваемых государством как разрастание «проклятой стороны», происходит определенная деградация обратной связи всей системы механизмов адаптации и самонастройки государства и общества к изменениям, происходящим внутри и вне его.

В результате, если продолжить биологические аналогии, государство начинает испытывать явные трудности с приспособлением к внешней среде системы. Поэтому возможные изменения этой среды — экономические кризисы, системные конфликты элит, природные катаклизмы, внешнеполитические вызовы — могут привести к элементарному уничтожению системы государственных институтов в их нынешнем виде. Чем активнее государство изживает «зло» политической конкуренции в пользу монопольного «добра» — путем замалчивания, исключения, запрета, — тем все более опасные и неизлечимые формы начинает принимать «проклятая сторона», угрожая, в конце концов, разрушить не изнутри, но извне (где, собственно, и оказывается все вытесняемое и исключаемое) доминирующую монополию.

Основная проблема заключается в том, что российское государство меняется в сторону воспроизводства и симуляции когда-то эффективных исторических институтов, в направлении «неотрадиционализации», в то время как все более «индивидуализированное» российское общество меняется по направлению к будущему, которое не имеет аналогов в прошлом и настоящем, а следовательно, требует не аналогий и применения отработанных временем рецептов и институтов, а твор-

---

¹ Гудков Л.Д. Невозможность морали. Проблема ценностей в посттоталитарном социуме // Независимая газета. 9 апреля 2008 г.

ческого изобретения новых механизмов регуляции, основанных на все более универсальных и эгалитарных основаниях, отсылающих не столько к пространству тех или иных исторически и культурно сложившихся национальных политик, сколько к глобальному миру. Поскольку эффективность государства в актуальной миросистеме может быть только глобальной, а национальное — лишь одно из многих мест применения глобальных социальных новаций.

Модерновому по своим схемам управления и легитимации государству все труднее управлять массовым, потребительским, аполитичным обществом. Масса ускользает от определения своей сущности, фиксации своей идентичности, патриотической риторики (потребитель — естественный космополит), от всех тех приемов национальных государств, посредством которых ею можно было бы манипулировать как политическим субъектом, единым политическим классом. В свою очередь, жесткой стратегией масс является провокация, которая, будучи осуществленной демонстративно, заставляет власть прибегнуть к альтернативе, на угрозе которой строится ее сущность — к насилию. Однако именно необходимость прибегать к насилию дискредитирует власть: «Провокация является вызовом для властителя, требующим от него демонстрации или даже реализации своих альтернатив избежания, что приводит к разрушению его власти им же самим. Это типично детское испытывающее поведение, которое, однако, может быть рекомендовано и как общественно-политическая стратегия»¹. Практика «оранжевых революций» наглядно показывает, как технологически из подобных провокаций государства произрастают революционных изменения.

4. Будущее без идеологий и утопий

Властвующая элита не только не продемонстрировала массовому российскому обществу нравственных образцов, но даже не предприняла попыток их предъявить. Наоборот, на высшем политическом уровне общество видит лишь обывательские и эгоистические модели мышления и поведения.

Кроме того, элита так и не сумела разработать механизмы консенсуса, открытых общественных дискуссий, разделения полномочий и ответственности с оппозицией. Элиты оказались неспособными договариваться о взаимоприемлемых решениях, стабилизирующих политический процесс. Но и на уровне массового общества необходимый для консолидации страны моральный консенсус также не сфор-

---

¹ Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 183.

мирован. Несмотря на процессы централизации и унификации, Россия остается идейно расколотой и исторически неодновременной страной, где несколько успешных мегаполисов не могут скрыть разрушения и деиндустриализации остального инфраструктурного пространства. Поэтому закономерным следствием слабой легитимности элит становится активный поиск «национальной идеологии» и «базовых ценностей» общества.

При доминирующем индивидуализме и прагматизме элит, механизмы консолидации общества в политическую нацию работают слабо. В российском социуме сегодня превалирует идеология здравого смысла и ценностей общества потребления, где правит бал обыватель. Возведение его в политическую норму в качестве «нормального» гражданина ведет к распаду нации-государства, поскольку любой потребитель является по своей природе эгоистом. Подобные процессы полураспада характерны в современном мире для большинства наций.

И тем не менее в самой основе интеллектуальной стратегии, которую власть сегодня предлагает российскому народу, лежит приоритет общества потребления в том его виде, который прямо ведет к распаду единого социума. Государственная идеология, сформулированная в терминах экономики общества потребления, и рациональная гегемония «человека экономического», руководимого только собственными материальными потребностями, отсутствие негласного общественного договора делают социум крайне уязвимым, а Россию и технологически, и психологически не готовой к возможным переменам, особенно негативного характера. Об этих тяжелых переменах природного и социального свойства просто никто не думает, поэтому они оказываются такими ошеломляющими и для власти, и для бизнеса, и для общества, как показала мировая экономическая депрессия. Эта неготовность стала основным итогом политического курса всего предшествующего периода.

Следует отметить, что онтологическое изменение российского социума значительно опередило на современном этапе развитие категориального и методологического аппаратов социальных наук. Продолжая оперировать «вчерашними концептами», социальное знание оказывается бессильным в понимании настоящего и ближайшего будущего, которое осуществляется «здесь и сейчас». Современная социальная мысль в России находится в поисках эффективного инструментария для комплексного, целостного осмысления случившихся с обществом изменений. При этом большая часть ученых продолжает исходить из парадигм, унаследованных от формационного подхода, теорий модернизации, терминологических оппозиций вроде традиционного и современного, западного и почвенного. Но адекватны ли они реальности? Не происхо-

дит ли так, что принципиально новым социальным явлениям присваиваются старые названия? Ведь современные государства, партии, парламенты, выборы и идеологии представляют собой совсем не то же самое, что одноименные феномены и институты 200-летней давности.

Все ключевые споры, по сути, сводятся к одному принципиальному вопросу: есть ли реальные и более справедливые альтернативы капитализму, демократии, нации-государству и идее гражданства? Пока таких альтернатив никто не выдвигает. Речь идет лишь о включении/исключении из корпуса граждан тех или иных групп и об объеме прав и привилегий для различных групп граждан. Но подобные споры идут **внутри** системообразующего дискурса государства, несмотря на постепенное ослабление современных наций, которым бросают вызов и размывают их суверенитет все большее количество над- и субнациональных структур управления, кооперации, взаимодействия.

В области политической мысли характерным явлением периода постбиполярности стало резкое ослабление влияния современных идеологий и утопий. В связи с распадом СССР и стабильной биполярной миросистемы многие исследователи в странах «второго» и третьего мира сожалеют об утрате веры в утопии и надежд на лучшее будущее. А еще большее число исследователей искренне полагает, что без возникновения влиятельных идеологий нельзя достигнуть успеха в тех социально-политических преобразованиях, на путь которых встала Россия. Причем так считают и те, кому направление преобразований в целом нравится, и те, кто придерживается противоположной точки зрения.

Тем не менее новые политические учения в виде современных идеологий, а тем более одна общенациональная идеология в обозримом будущем не возникнут, и возможно, этого больше не будет никогда. Данную позицию начинает разделять и правящий класс, уже убедившийся в невозможности возврата как к привычным идеологиям, так и формулировке новой национальной идеи. Достаточно сравнить два высказывания в первом и последнем посланиях В. Путина в качестве Президента России:

2000 г. «...В обществе уже есть достаточно высокий уровень согласия по принципиальным вопросам развития страны. И не нужно специально искать национальную идею. Она сама уже вызревает в нашем обществе. Главное — понять, в какую Россию мы верим и какой хотим мы эту Россию видеть...»¹.

2007 г. «...У нас с вами, в России, есть еще такая старинная русская забава — поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 // Российская газета. 11 июля 2000 г.

жизни. Занятие в целом бесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и — бесконечно. Не будем сегодня открывать дискуссию по этим вопросам»¹.

С одной стороны, Президент задает курс на естественное образование общих, консолидирующих ценностей в российском обществе. Однако национальная идея или интегрирующая идеология так и не родились сами собой за весь период после СССР. Президент исходит из того, что национальная идея сможет вызреть из неких «общих ценностей». Правда, он избегает их конкретизации, подчеркивая лишь то, что они «уже есть». Таким образом, проблема самоочевидности является проблемой «голового короля»: все делают вид, что в курсе «общих ценностей», хотя на самом деле их содержание остается «черным ящиком». Поэтому закономерно, что, так и не дождавшись «естественного» возникновения нацидеи, Президент меняет тактику, заявляя, что эта «русская забава» не особо России и нужна, можно вообще обойтись без нее.

Но что же тогда является легитимирующим основанием современного российского политического режима, если старые ценности разрушены, а новых не появилось?

Понимая невозможность воскрешения привычных современных дискурсов, исследователи все равно пытаются найти «новые идеологии», утешая себя тем, что на смену деодеологизации российского общества, как прощанию с привычными идеологиями общества классического Модерна, неизбежно должна прийти реидеологизация. Однако пока что в результате попыток поставить на пустующее место привычные идеологии можно наблюдать лишь ни к чему не обязывающие формулировки, которые никогда не воскресят те дискурсы, чье историческое время уже прошло.

Получаются беспомощные формулировки типа «мы за все хорошее». Вот, например, одна из таких заявок на идеологию для России: «Эта идеология должна иметь светский и научный характер, вобрать все лучшее, что накоплено мировой цивилизацией и культурой, отражать интересы абсолютного большинства граждан, то есть быть действительно общегражданской... На наш взгляд, она включает такие понятия и ценности, как “права человека”, “справедливость”, “свобода”, “солидарность”, “демократия”, “патриотизм” и др.»². Но в том-то и дело, что перечисленные ценности и императивы характерны для современного либерального консенсуса, который в глобальном плане работает все хуже.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 // Российская газета. 27 апреля 2007 г.

² Славин Б. Россия в поисках идеологии // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 29–30.

Фактически все предпринятое с целью изменить социальную онтологию России представляет собой лишь фрагментированные попытки «ремонта» окружающей социальной реальности, что ведет лишь к упрочнению статус-кво. Социальный идеал предстает как механическая проекция настоящего в будущее, оборачивающаяся «тиранией настоящего времени». Однако подлинные проекты будущего связаны с альтернативными версиями современности, которые содержатся и внутри нее самой. Сегодня в России наиболее интересные и последовательные попытки выработки оснований таких проектов осуществляются в рамках не столько традиционных политических учений Модерна (либеральные, консервативные, социал-демократические проекты), сколько разного рода «ультра-проектов» — экстремистских, экологических, эсхатологических, фундаменталистских, историософских, реваншистских.

Следует признать, что в своей основе любая политика зиждется на отсроченном насилии¹. Но самая искусная и эффективная политика, способная достигать долгосрочных и фундаментальных целей — это политика, основанная на ценностях, убеждениях, идеологиях и утопиях. Политика, основанная не на страхе и угрозе наказания посредством легальных институтов насилия, а апеллирующая к вере в ценности, законы и справедливость. Именно дефицит такой нормативной (идеологической) политики, ориентированной на долгосрочные цели, можно наблюдать в мировой и российской политике.

Российская общественная мысль находится в поиске новых целей. Имеется запрос на непривычное, на предсказание того, чего еще не было. Основным направлением поисков стало будущее. Именно туда смещаются научные интересы. Настоящее стало слишком прозрачным и предсказуемым, чтобы составлять теоретическую проблему, выходящую за рамки повседневного потока политических событий, которым живет политическая публицистика, различные эксперты и «говорящие головы» на ТВ.

Назрела принципиальная смена целей для России. Этап институционализации и знакомства с мировыми достижениями, как и разочарования во многих из них, фактически закончен. Необходимо переходить к другому этапу. И в момент такого перехода возникает развилка выбора. Первый вариант — отечественная мысль довольствуется статусом нормальной по отношению к существующим «универсальным» образцам. Но подобная нормальность подразумевает вторичность и несамостоятельность в выборе ценностей и целей на уровне политической философии. Второй — российская мысль замыкается

¹ См.: *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

в себе, трактуя универсальное как национальное. Наконец, третий путь, который может стать оптимальным, связан с верой в то, что наше политическое как особенное мы сможем сделать интересным для остального мира, а следовательно, всеобщим. Предложить новые ценности и цели если не в настоящем, то в будущем.

Именно поэтому будущее так привлекательно, — ведь в настоящем Россия пока не демонстрирует уникальности, особенностей, которые могли бы стать новыми образцами. Проблема в том, что будущее начинается с утопии, которая не может иметь общих оснований и ценностей с тем социальным бытием, которое она отрицает. Иначе она будет зависимой в своей легитимности от всего того, что стремится опровергнуть, улучшить, изменить. Утопия — это всегда новая история, новые ценности и системы отсчета.

Следует признать, что в России сегодня нет таких проектов будущего, которые российское общество захотело бы не только действительно реализовать, но и вовлечь в них остальное человечество. Пока не сгенерировано ничего, что было бы воспринято внешним миром. Наоборот, Россия является чистым импортером нормативных стандартов. Эта ситуация требует изменения, поскольку без интеллектуального суверенитета никакие инновации в обществе невозможны в принципе.

Но изменить положение к лучшему можно, лишь изменяя принципы и стандарты организации глобального Модерна в целом. Рецепты только для России уже не заработают, так как она является частью целого. А менять часть можно, лишь претендуя на целое в его политической тотальности. Это предполагает цели, выходящие за рамки острова-России и обращенные к человечеству. Но заработать впервые они должны именно здесь и сейчас. Только тогда можно будет утверждать, что Россия предпринимает реальные попытки приблизить будущее и покинуть слишком многих обделяющее неолиберальное настоящее общества потребления, которое не смогло реализовать заявленные цели и стандарты в глобальном масштабе, а потому нуждается в преодолении.

Качество любых долгосрочных прогнозов определяется не тем, сбываются они или нет. Прогнозы закономерно не сбываются, остальное является скорее отклонением и стечением обстоятельств. Интеллектуальный вызов сегодняшнего дня — дать обществу утопию, без которой оно не может развиваться. Обрисовать достижимый и желательный, но при этом качественно иной в сравнении с настоящим образ будущего, будущего, к которому стоит стремиться каждому, преодолевая свою неизбежную конечность (смертность), поскольку это будущее действительно выходит за пределы индивидуального горизонта. Без этого условия будущее не возникнет никогда.